

1916 год озаглавлен в военной истории России двумя славными победами русских войск на фронтах Первой мировой войны. Это Эрзерумское сражение февраля-марта и знаменитый Брусиловский прорыв, события которого развивались летом того года. Ныне исполняется 100 лет тем великим и грозным сражениям, что дала старая русская армия накануне катастрофы 1917 года. Хотя Россия не вышла победительницей из Первой мировой, но слава русского оружия не померкла и на “галицийских кровавых полях”, и на вершинах Кавказа. Во многом эти последние победы русского оружия перед закатом империи проложили исторический мост к новым великим военным свершениям уже в иную эпоху. По-разному сложились судьбы полководцев, под началом которых были достигнуты эти победы. Николай Николаевич Юденич, командующий Кавказской армией, взявший сильнейшую крепость Эрзерум, более известен нам как яркий деятель Белого движения в России, едва не захвативший красный Петроград в 1919 году, а Алексей Алексеевич Брусилов, разгромивший австро-венгерские войска в Галиции и Волыни, после революции 17-го года стал одним из создателей Красной Армии. Ныне пришло время переосмыслить историю России и вопреки прежним идеологическим догмам воздать долг памяти всем, сражавшимся за честь и славу Великой России.

1. Взятие Эрзерума

Эрзерум – ворота Востока! Основанный ещё за полторы тысячи лет до нашей эры Каранни – царём древнеармянского царства Хайса, – он и назывался в древности Карин. Армяне сражались за этот город с хетами, затем с римлянами, был Эрзерум частью империи ромеев, откуда и получил своё окончательное армянское название – Арзрум, – то есть город ромеев. При византийском императоре Феодосии II в пятом веке нашей эры греками он именовался Феодосиополем, но население его было армянским. Затем были нашествия персов и арабов, но в XI веке пришедшие из пустынь Средней Азии турки-сельджуки взяли город и устроили там страшную резню армянского населения. Как сообщает византийский летописец Иоанн Скилица, при взятии Эрзерума в 1049 году турки истребили 140 тысяч человек армян. Это был первый геноцид армянского христианского населения, осуществлённый турками, и геноцид этот повторялся не раз на протяжении веков. После долгой и упорной борьбы между Персией и Османской империей, к XV веку город Эрзерум стал окончательно турецким, хотя и армяне жили там, и арабы,

и персы, и вообще Эрзерум был своего рода перекрёстком дорог, ведущих из Малой Азии на Ближний Восток в Аравию и Персию, и с Кавказа в Месопотамию и Палестину.

Когда начались в XVIII веке русско-турецкие войны, то до Эрзерума, казалось, было ещё очень далеко. Но вот в начале XIX века добровольно входит в состав России Грузия, а затем начинается долгая и трудная борьба за Армению, страну искони христианскую, вся надежда населения которой обращена только к России. Впервые русские войска подходят к Эрзеруму в 1829 году, в ходе шедшей тогда очередной (уже шестой по счёту!) русско-турецкой войны. Ведёт нашу армию на Эрзерум Иван Фёдорович Паскевич — человек замечательный, один из выдающихся русских полководцев, начинавший свою службу ещё под водительством Кутузова в войнах с Наполеоном. Малоросс по происхождению, родом из-под Полтавы, из украинского шляхетского рода, он всю свою жизнь положил на служение России. Сейчас уже подзабытый, этот славный русский полководец бился при Бородино, командуя дивизией, защищал Малоярославец и даже победил талантливейшего наполеоновского маршала Нея в сражении у реки Лосмины, едва не взяв его в плен. Недаром сам Кутузов по изгнании Наполеона из России представил тридцатилетнего генерала Паскевича императору Александру I на встрече в Вильно в числе четырёх наиболее отличившихся в той кампании русских военачальников.

Но особенно отличился Паскевич в войнах с турками. Этот враг ему был хорошо известен ещё по сражениям на территории Румынии и на Балканах в войну 1807–1809 годов, где, в частности, Паскевич штурмовал Измаил и был за то награждён золотым оружием. А в 20-е годы XIX века он не раз побеждал персов, командуя русской армией в Закавказье. В результате именно его побед известный русский дипломат А. С. Грибоедов на переговорах с персами и смог добиться от них значительных территориальных уступок. Правда, самому Грибоедову это стоило жизни — он был убит разъярёнными фанатиками в Тегеране... А сам Паскевич, не успев отдохнуть после изнурительной войны с Персией, был направлен воевать с вечным врагом России — Османской Портой, — освобождать земли древней Армении.

Война эта и поход на Эрзерум (Арзрум), в глубины Малой Азии, вызвали тогда живейший интерес среди просвещённого русского общества. Сам Александр Сергеевич Пушкин выхлопотал себе разрешение у царя на поездку в действующую армию к Паскевичу. И что самое удивительное — это был единственный случай в жизни нашего великого поэта, когда ему разрешили выезд за границу! Впоследствии Пушкин отразил свои путевые впечатления в книге заметок, которая называлась: “Путешествие в Арзрум”. Так этот восточный город прочно вошёл в нашу литературу.

Пока Александр Сергеевич на перекладных из Петербурга добирался до Кавказа и далее пробирался через Крестовый перевал Большого Кавказского хребта, потом отдыхал в знаменитых тифлиских банях и, покинув гостеприимную Грузию, поднимался на суровые плато Армении, русская армия под водительством Паскевича уже взяла неприступный Карс, сильную турецкую крепость, и стремительно двигалась по теснякам и высокогорьям к Эрзеруму — узлу всех дорог на востоке Малой Азии. Перед штурмом этого ключевого города в июне 1829 года и прибыл Александр Пушкин в действующую армию к Паскевичу. Вот строки из его дневника:

“25 июня, в день рождения государя императора, в лагере нашем под стенами крепости полки отслушали молебен. За обедом у графа Паскевича, когда пили здоровье государя, граф объявил поход к Арзруму. В пять часов вечера войско уже выступило.

26 июня мы стали в горах в пяти верстах от Арзрума. Горы эти называются Ак-Даг (белые горы); они меловые. Белая, язвительная пыль ела нам глаза; грустный вид их наводил тоску. Близость Арзрума и уверенность в окончании похода утешала нас. Вечером граф Паскевич ездил осматривать местоположение. Турецкие наездники, целый день кружившиеся перед нашими пикетами, начали по нём стрелять. Граф несколько раз погрозил им нагайкою, не престаивая рассуждать с генералом Муравьёвым. На их выстрелы не отвечали.

Между тем в Арзруме происходило большое смятение. Сераскир, прибывший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном раз-

битии русских. Вслед за ним опущенные пленники доставили жителям звание графа Паскевича. Беглецы уличили сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошёл мятеж. Несколько франков были убиты озлобленной чернию.

В лагерь наш (26-го утром) явились депутаты от народа и сераскира; день прошёл в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычаи.

На другой день утром войско наше двинулось вперёд. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят. Я приехал туда с поэтом Юзефовичем. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелёными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-Дагу. Несколько их пронесли над головою графа Паскевича. . .

В сию минуту прискакал на Топ-Даг князь Бекович, со вчерашнего дня находившийся в Арзруме на переговорах. Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют. Генералы подъехали к графу, прося позволения заставить молчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнём своих же пушек, повторили ту же просьбу. Граф несколько времени медлил; наконец, дал повеление, сказав: "Полно им дурачиться". Тотчас подвезли пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-помалу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделью".

Так описывает Александр Сергеевич Пушкин взятие Эрзерума (тогдашнего Арзрума) в 1829 году. Как видим, тогда, под блестящим водительством Паскевича, это не потребовало больших усилий, война складывалась благоприятно для русского оружия, и вскоре был заключён выгодный для России мир. Генерал Паскевич был удостоен фельдмаршальского звания и награждён орденом Святого Георгия первого класса. Он стал полным кавалером этого высшего военного русского ордена. Сейчас мы мало помним этого выдающегося человека. Почему?.. Вероятно, в этом виновата дальнейшая военная судьба Паскевича. По повелению императора Николая I он возглавил русские войска при подавлении польского восстания в 1831 году, когда после ожесточённого штурма пала Варшава, и он же совершил поход в Венгрию в 1849 году, когда по просьбе австрийского двора русские войска подавили национально-освободительное движение в этой стране. Разумеется, в советское время память о "царском сатрапе", душителе революций постарались изъять из русской военной летописи. Но наш великий поэт Пушкин всегда благоговел перед личностью Паскевича, перед его военным талантом и никогда не сказал о нём ни одного дурного слова.

Прошло 85 лет, и в августе 1914 года началась Первая мировая война. . . Война складывалась неудачно для России. В 1915 году русские войска оставили Польшу, Галицию, Подолию, часть Прибалтики. Да и на Закавказском театре военных действий, в войне с союзницей Германии Османской империей, дела шли ни шатко ни валко. Требовался какой-то решительный перелом, особенно необходимый после провала Дарданельской операции союзницы России Великобритании, когда английский десант летом и осенью 1915 года, понеся большие потери, не смог отбить у турок пролив Дарданеллы и тем самым вывести Турцию из войны. А тут ещё и Болгария вступила в войну на стороне Германии и Турции, и таким образом открывался широкий коридор немецким войскам через Балканы в Малую Азию и далее на Средний Восток — в Месопотамию и Иран. Особенно важным теперь становилось овладение Эрзерумом, ведь этот город, превращённый турками с помощью немецких военных советников в сильнейшую крепость, контролировал пути из Малой Азии на восток. Такая задача была поставлена русским войскам Закавказского фронта в преддверии нового, 1916 года. Возглавил русскую армию в Закавказье

известный полководец, генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич. Судьба Юденича была чем-то похожа на судьбу его предшественника Паскевича. Он, как и Паскевич, был выходцем из дворян западных русских губерний. Только не из Малороссии, а из Белоруссии – его отец был дворянином Минской губернии. Тоже с юных лет на военной службе, окончил Александровское военное училище в Москве в 1881 году. Из юнкеров... Есть у замечательного русского писателя Куприна прекрасная повесть “Юнкера”. Куприн сам окончил это училище и отлично знал быт и жизнь будущих русских офицеров. После прочтения этой повести становится понятным, откуда в России появился культ офицерской чести, достоинства и самопожертвования ради блага Отечества. Такими воспитывали будущих русских офицеров, и Николай Николаевич Юденич до конца был предан России и своему государю.

Служить ему привелось, в основном, на Востоке – в Туркестане и Центральной Азии. В Русско-японскую войну он командовал полком, отличился, был награждён золотым оружием. Тогда же был дважды ранен – в руку и в шею, но службу не оставил, и с 1907 года он уже генерал-майор. Вся дальнейшая служба его прошла в Закавказье. Первую мировую войну он встретил в должности начальника штаба Кавказской армии.

С началом военных действий против России турецкие войска стремились перейти в наступление на русскую территорию, надеясь поднять восстания против России мусульманского населения. Особенно злым врагом России был небезызвестный Энвер-паша, развивавший идею мирового пантюркизма. Победа в Закавказье ему была нужна как залог проникновения на восток, в Среднюю Азию, с целью создания мирового тюркского исламского государства – Великого Турана... Но поперёк его планам встал русский полководец Николай Юденич со своей Кавказской армией. В сражении под Сарыкамышем Энвер-паша был наголову разбит. Озлобленные этими событиями турецкие власти начали массовый геноцид армянского населения. Сейчас во всём мире 24 апреля отмечается как День памяти геноцида армянского народа, осуществлённого турецкой армией, турецкими бандитами и турецкими властями всех рангов. Из двухмиллионного армянского населения Османской империи, по подсчётам армянских учёных, было уничтожено не менее полутора миллионов армян. Фактически были вырезаны все армяне Эрзерума. Вот что утверждал министр внутренних дел Османской империи Талаат в беседе с послом США Моргентау: “...мы уже избавились от трёх четвертей армян, их больше не осталось в Битлисе, Ване и Эрзеруме. Ненависть между армянами и турками в настоящее время так сильна, что мы должны покончить с ними. Если мы этого не сделаем, они будут нам мстить”. Как в воду глядел кровавый турецкий министр: он действительно получил свою кару – уже после войны был убит армянином-мстителем.

Однако первой, кто вступился за армян, была Россия, а именно – её Кавказская армия, которой с начала 1915 года командовал Николай Николаевич Юденич.

Поход на Эрзерум, планировавшийся Юденичем, был важен по нескольким причинам. Надо было взять под контроль важный район в верховьях Евфрата, контролирующей выходы из турецкой Анатолии на равнины Сирии. Этот район и сейчас очень важен в стратегическом плане: отсюда турки могут наносить удары по Сирии и по Мосульскому нефтяному району в Ираке, что они и делают, кстати, в ходе идущей в наше время сирийской войны. Так было и сто лет назад.

Всё это понимали и турецкие военачальники, потому Эрзерум был сильно укреплён и превращён в первоклассную крепость. Его укреплением уже не походил на ту заштатную позицию, что открылась глазам Паскевича и Пушкина в 1829 году. Эрзерум прикрывала на этот раз целая 3-я турецкая армия в количестве не менее 120 тысяч штыков, да плюс приданные к ней формирования курдов-мусульман в количестве до 10 тысяч сабель. Интересно отметить, что в то время курды сражались за турок и принимали участие в резне армянского христианского населения. Если бы они знали, что, вырезав армян, турки примутся за них, и курдам на протяжении почти уже 100 лет придётся сражаться с турецким господством не на жизнь, а на смерть, они, возможно, были бы умнее...

Кавказская русская армия Юденича насчитывала до 150 тысяч штыков, но она действовала на разных направлениях, а не только на Эрзерумском,

и против укрепления Эрзерума могла выставить не весь свой численный состав. Так что силы сторон были примерно равны. Надо отметить, что в составе русских войск действовали до пяти батальонов армян-добровольцев. На позициях турок “царствовало полное спокойствие”, как признавалось после турецкое командование, они не ожидали наступления русских войск в суровых зимних условиях, когда перевалы в горах перекрыты снегом, а в узких ущельях скопились массы льда. Но именно в этих-то условиях русские войска и пошли в решительное наступление. Именно “спокойствие турок” и обеспечило фактор внезапности и успеха, что так характерно вообще для русского боевого духа. Это знал Николай Юденич, он и повёл свои войска напролом, невзирая ни на какие трудности, на штурм твердыни Эрзерума.

“Город был окружён непрерывной оградой бастионного начертания, с опорными пунктами на холмах: на северо-востоке были расположены укрепление Меджидие и два люнета Азизие; на юго-западе находился форт Кереметли-дэги с передовыми люнетами; наконец, в 1 км к юго-востоку от ограды был выдвинут редут Ахали. Рвы, окружающие город, доходили до 6,5 м глубины. Центр тяжести обороны крепости был перенесён на 10–12 км вперёд от города, на позицию Девебойну, которая обеспечивала город и его склады от бомбардирования. На юге позиция Девебойну отделяется глубокими и скалистыми ущельями. . . На этих возвышенностях было размещено 11 долговременных укреплений, расположенных в две линии фортов”.

Согласитесь, это описание крепости Эрзерум, которое я взял из книги русского военного историка Николая Георгиевича Корсуна “Эрзерумская операция”, производит впечатление! Его книга — основной источник сведений о ходе операции. И не удивительно. Сам Николай Георгиевич во время Первой мировой войны работал в Ставке верховного главнокомандующего, и все документы о военных действиях у него были на руках. Он дослужился до чина генерал-майора в старой русской армии, что не помешало ему в 1918 году вступить в Красную армию и в 1940 году стать генерал-лейтенантом РККА. Вот такие люди, как Корсун, обеспечили преемственность русской военной традиции, они сохранили армию для России, несмотря на всё революционное лихолетье, с их помощью была создана новая Советская армия, которая, в результате, победила в Великой Отечественной войне. Замечу только, что всем хороша книга Корсуна о взятии Эрзерума, но в ней нигде не упоминается имя главнокомандующего победоносной армии, разгромившей турок, Николая Николаевича Юденича. Автор ограничивается неопределённым: “командующий Кавказской армией”. Но это и понятно: книга-то вышла в 1938 году, в период так называемой “большой чистки”. . . Но то, что Корсун написал и опубликовал своё исследование в то грозное время, это уже был поступок!

Операция по взятию Эрзерума началась в конце декабря 1915 года, а к началу февраля 1916 русские войска уже вышли на передовые рубежи перед турецкой крепостью. То есть за месяц январь были преодолены неприступные в зимних условиях хребты Большого Тавра и эрзерумский укрепрайон был охвачен русскими войсками с трёх сторон. Тяжело пришлось пехоте, но особенно — русской коннице: лошади не могли идти по глубокому снегу в горах. Но выход был найден: шли гуськом в одну линию, пробивая траншею в метровых сугробах. И вот перед глазами русских воинов встали форты неприступного Эрзерума, которые предстояло взять штурмом. Турки укрепляли эти позиции на протяжении 35 лет — со времён войны 1878 года, когда отряд русских войск вновь после 1829 года занял Эрзерум. Но тогда это было сделать несложно, а в начале XX века шла уже совсем другая война.

Дадим слово Николаю Корсуну:

“29 января (11 февраля по новому стилю. — С. 3.) части Кавказской армии, предназначенные для штурма Эрзерумских укреплений, заняли исходное положение. В 14 часов осадная артиллерия и гаубицы артиллерийского участка открыли огонь по фортам и укреплениям в районе форта Чобан-деде. 1-й Кавказский корпус начал наступление в 20 часов, а 2-й Туркестанский — в 23 часа. В течение 30 января части 2-го Туркестанского корпуса овладели северным входом в проход Гурджи-богав, заняли форт Кара-гюбек и прилегающую к нему одноименную позицию. На рассвете этого дня части 1-го Кавказского корпуса овладели фортом Далан-гез, который прикрывал подступы к важнейшему форту Чобан-деде и в ущелье р. Туй-су; русским также удалось зацепиться за позицию Девебойну северо-восточнее форта Чобан-деде. Этот

спеша на фронте указанных корпусов положил начало выхода русских в промежуток между фортами Тафта и Чобан-деде и прорыва с севера в Эрзерумскую долину”.

“1-е февраля явилось переломным моментом в ходе операций. Русским удалось овладеть вторым и последним из запиравших проход Гурджи-богаз фортом Тафта; вследствие этого открылся доступ в Эрзерумскую нагорную равнину с севера. Этот успех обеспечивался колонной Воробьёва, которая местами, сбив турок с северной части хребта Девебойну, начала спускаться в Эрзерумскую долину.

В общем, к концу третьего дня штурма наметился прорыв турецкого фронта с выходом во фланг и тыл позиции Девебойну. Турецкое командование, учтя создавшуюся угрозу на своём северном секторе обороны, прилагало 2 февраля все усилия к задержке русских, но вместе с тем начало планомерно очищать, под прикрытием сильных арьергардов, Девебойнскую укреплённую позицию.

Командующий Кавказской армией, получив данные от авиации об оставлении турками Эрзерума, для достижения решительного успеха сосредоточил в руках командира 2-го Туркестанского корпуса управление действовавшими по соседству с ним колоннами Волошина-Петриченко и Воробьёва, а также подчинил ему и конницу Радаца, получившего задачу действовать на сообщения турок.

Русские войска на всём фронте вели в течение 2 февраля и ночи на 3 февраля непрерывные бои с отходившими турецкими частями, но всё же русским не удалось прорвать в северной части Эрзерумской равнины фронт турок и выйти на сообщения 3-й Турецкой армии”.

Да, как мы видим, турки дрались отчаянно! Это был грозный и сильный противник, вовсе не походивший на тех испуганных турецких чиновников, что подносили ключи от города Эрзерума Паскевичу летом 1829 года. Но что должно было свершиться, то свершилось: “В 7 часов 3 февраля (16 февраля по новому стилю. — С. З.) русские заняли оставленный турками Эрзерум. С этого момента началось преследование отступавшей 3-й турецкой армии, понесшей при этом очень большие потери”.

Преследование отступавших турок продолжалось вплоть до второй половины марта. Отступление их приняло характер хаотического бегства. Особенно трагичен был исход мирного турецкого населения — в зимних условиях, по льду, в поднявшихся метелях, сильных снегопадах и буранах, в наступившей затем распутице... Но что же гнало их?.. — А их гнал страх. Страх возмездия за недавние массовые убийства армян, за поголовную резню армянских детей и женщин. Совсем недавно ведь точно так же турки гнали мирных армян, истребляя, уничтожая их без всякой пощады. Теперь эту чашу страданий пришлось хлебнуть и туркам. Всегда надо помнить, что возмездие неизбежно.

Победа была полной! Вновь вернёмся к книге Николая Корсуна:

“При дальнейшем преследовании Сибирская казачья бригада совместно с пехотой захватила последние остатки 34-й дивизии (37 офицеров и 1412 солдат) и 11 орудий.

5 февраля на фронте 1-го Кавказского корпуса в 14 часов авангард 156-го Елисаветпольского пехотного полка с боя занял село Илинджа, захватив до 150 человек пленных. В этот же день конница этого корпуса в пешем строю, сбив турок с позиции у села Тарачук и преследуя их в конном строю, взяла в плен 3 турецкие роты. Отступавшие части турок напрягали все усилия, чтобы оторваться от преследования, но это им не удавалось, и их утомлённые боями арьергарды лишь увеличивали число пленных.

Вместе с отступавшей турецкой армией бежало турецкое население, почему дорога, ведущая по долине реки Западный Евфрат к городу Эрзинджан, оказалась совершенно забитой повозками. Вследствие начавшейся в долине оттепели состояние этого пути не поддавалось описанию... Дорога была освобождена от пробок лишь после остановки главных сил 3-й турецкой армии за рекой Западный Евфрат”.

Итак, русские войска вышли к Евфрату, то есть к границам Сирии. На западе был занят Эрзинджан, на приморском участке — Трапезунд. Впереди был выход русских войска в сердце Анатолии. Османская империя стояла у порога гибели. Уже разрабатывались планы по захвату Стамбула, древнего Царьграда, водружению православного креста над Святой Софией. Но этим

планам не суждено было сбыться... Разразившаяся в начале 1917 года революция перечеркнула грядущую победу России, свела на нет все успехи русского оружия в Закавказье. И уже в 1919 году русский генерал Юденич, награждённый орденом Святого Георгия 2 класса за взятие Эрзерума, будет вести войска не на Стамбул, а на большевистский Петроград, будет стоять у порога города трёх революций, но Советская Россия окажется сильней... История перевернула страницы, и вернуться к прошлому будет невозможно.

Вероятно, это осознёт победитель турок Николай Николаевич Юденич, и после своей неудачи под Петроградом он сложит полномочия командующего Северо-Западной белой армией и навсегда покинет Россию, более не предпринимая попыток повернуть историю вспять.

2. Последний прорыв

В марте этого года тихо и незаметно прошло 90-летие со дня смерти Алексея Алексеевича Брусилова, выдающегося нашего полководца, генерала от кавалерии старой русской армии, инспектора кавалерии РККА при большевиках. Странная судьба была у этого человека! Его отцом был представитель старинного русского дворянского рода Брусилых, потомственных военных – генерал-лейтенант Алексей Николаевич Брусиллов, пожилой уже человек, ему к моменту рождения сына Алексея в 1853 году было 66 лет, – он помнил ещё XVIII век! Старый вояка женился на молоденькой полячке Марии-Луизе, дочери коллежского асессора Антона Нестоемского. Разница в возрасте у супругов была почти сорок лет, что совершенно не сказалось на потомстве – Мария-Луиза родила своему мужу четверых сыновей: Алексея, Бориса, Александра и Льва. Из них только Александр умер во младенчестве, а остальные стали военными и продолжили славную традицию семьи Брусилых. Если взглянуть на портрет русского генерала-кавалериста Алексея Алексеевича Брусилова в пору расцвета его военной карьеры, то сразу обращают на себя внимание его лихие “шляхетские” усы вразлёт – польская кровь сказалась в замечательном русском патриоте, но разве этот случай единичный? Вспомните нашего великого маршала Константина Константиновича Рокоссовского, поляка по национальности. Польша более века входила в состав Российской империи, и немало польской крови влилось в русские гены.

Всего шесть лет было старшему Алексею, когда в 72-летнем возрасте умер его отец, и, не перенеся этой потери, вскоре умерла и его молодая мать... Так что родителей своих Алексей Алексеевич и не помнил, за родителей считал свою тётку по матери Генриетту Антоновну Гагемейстер и её мужа Карла Максимиловича Гагемейстера – людей состоятельных, сумевших дать своим приёмным детям отличное образование. Детство Алексея Брусилова и его братьев прошло в Кутаиси (а родился он в Тифлисе), в очень интеллектуальной и образованной дворянской семье с большими культурными традициями. Но судьба Алексея Брусилова была предрешена его отцом уже, можно сказать, с рождения: он был записан своим генералом-родителем в Пажеский корпус – привилегированное военизированное учебное заведение в Петербурге – и должен был пойти по военной стезе. А он и не отказывался – военные науки ему нравились с детства, а особенно нравились кавалерийская выправка, которой он обучался в Николаевском военном училище у царских берейторов. Судьба улыбалась молодому юнкеру, и вот в жаркий июльский день 1872 года сам император Александр II Освободитель произведёт его в первый офицерский чин. Кто мог тогда знать, что почти через 45 лет заслуженный генерал Брусиллов станет одним из тех генералов, командующих фронтами, что поставят жирную точку в судьбе внука Александра II – императора Николая II, когда настоятельно посоветуют ему отречься от престола... Но это будет ещё не скоро.

Молодой офицер сам избирает себе местом службы Кавказ, 15-й драгунский Тверской полк, стоявший тогда в лагерях под Тифлисом. Служба была необременительной и в основном запомнилась Алексею Алексеевичу шумными офицерскими попойками и дуэлями, которые были в то время обыденным явлением в офицерской среде. Настоящее испытание пришлось пережить будущему полководцу с началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Полк был брошен на штурм сильной турецкой крепости Карс. Здесь молодой офицер был легко ранен, но в целом война на Кавказе была тогда лишь отголоском

настоящей большой войны, что шла на Балканах. Там решалась судьба славянства, русские войска, как известно, дошли до Стамбула, но волей императора Александра II были остановлены, и в предместье Стамбула, в Сан-Стефано, был подписан мирный договор, по которому Болгария обретала независимость, становилась свободной страной, но эта свобода Болгарии была оплачена потоками русской крови. Кто мог тогда знать, что в ходе Первой мировой войны эта славянская страна, всем обязанная русским, переметнется на сторону врагов России...

Как бы там ни было, но в биографии Алексея Алексеевича Брусилова эта турецкая война, как ни удивительно, была единственным его боевым опытом вплоть до начала Первой мировой... Дальнейшая его служба проходила в Петербурге в Офицерской кавалерийской школе, где он начинал адъютантом, а закончил начальником школы, постепенно повышаясь в чинах. В Петербурге он стал известен как превосходный наездник, усвоивший прекрасный опыт верховой езды. На этой почве он близко сошёлся с великим князем Николаем Николаевичем Романовым, в царской семье тогда высшим военным авторитетом, что и обеспечило Брусилову быстрое повышение в чинах. Русско-японская война 1904–1905 годов обошла его стороной, в то время как многие из тех офицеров и генералов, которыми ему придётся командовать на фронтах Германской войны, были обстреляны на сопках Маньчжурии и свисока смотрели на придворного “паркетного генерала”, которым им представлялся Брусилов. Но на этих генералах, в частности, таких, как Эверт, Куропаткин, Иванов и других, лежал отпечаток поражения, понесённого Россией в ходе той несчастливой войны. Возможно, это приводило к некоторой нерешительности в действиях этих полководцев, особенно в самые напряжённые моменты войсковых операций.

С 1906 года Алексей Алексеевич Брусилов переводится на должность войскового начальника. Командует кавалерийской дивизией, затем корпусом. Перед войной 1914 года он уже был командующим 12-м армейским корпусом, расквартированным в Польше (тогда входившей в состав Российской империи), и по плану боевого развёртывания на случай войны его корпус должен был действовать против Австро-Венгрии. Вообще, по так называемому плану “А” русские войска наносили главный удар на территории Галиции по австрийским войскам. Активные действия против Германии не предусматривались. Брусилов в своих воспоминаниях резко порицает российский императорский двор за беспечность в отношении Германии, за неподготовленность русских сил к войне с Германией. Но воспоминания написаны после свершившихся событий, а перед самой войной Алексей Алексеевич спокойно отдыхает вместе с женой на немецком курорте Киссинген, пьёт минеральную воду, и только один случай заставляет его насторожиться. Вот как рассказывает он сам.

“В тот памятный вечер весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окружённая цветниками, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими Московский Кремль, церкви, стены и башни его. На первом плане возвышался Василий Блаженный. Нас это очень удивило и заинтересовало. Но когда начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших “Боже, царя храни” и “Коль славен”, мы окончательно поразились. Вскоре масса искр и огней с треском, напомиавшим пушечную пальбу, посыпаясь со всех сторон на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренились и валились наземь. Всё горело под торжественные звуки увертюры Чайковского “1812-й год” (!). Мы были поражены и молчали в недоумении. Но немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству её не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот фейерверка, загремела немецкий национальный гимн. “Так вот в чём дело! Вот чего им хочется!” – воскликнула моя жена. Впечатление было сильное. “Но чья возьмёт?” – подумалось мне”.

Вскоре действительно Германия объявила войну России. Генералу Брусилову с супругой одними из последних русских удалось покинуть недавно ещё гостеприимную страну. Сей факт свидетельствует, что в возможность войны с Германией не верило не только царское правительство России, её не пред-

полагал и русский генералитет, представлявший которого, командующий корпусом (стоящим, между прочим, вблизи границ с Германией) Брусилов буквально за пару дней до объявления войны спокойно пребывал на немецком курорте и осознал всё, лишь увидев пылающий макет Московского Кремля на немецком празднике.

С началом боевых действий в августе 1914 года Брусилову была дана под командование 8-я армия, входившая в группировку сил, которой командовал генерал Николай Иудович Иванов, любимец царя и царицы, близкий царской семье. Это был один из тех генералов, что был бит японцами в Маньчжурии, но прославился верностью царю и династии в подавлении революции 1905–1907 годов. Ему было доверено командование Юго-западным фронтом, на который возлагались огромные надежды, а армиями фронта командовали прекрасные генералы: Брусилов, Радко-Дмитриев, Эверт, Рузский. Знаменитая Галицийская битва окончилась полным успехом русских войск, к концу 1914 года русские армии уже овладели перевалами Карпат и готовились начать наступление в Венгрию, но... У русской армии закончились снаряды, закончились материальные средства, запасы обмундирования и продовольствия. Всё дело в том, что генеральный штаб России планировал вообще закончить войну за полгода, до начала 1915 года, но этого не случилось вследствие поражения русских армий в Восточной Пруссии. Галицийская победа была, конечно, велика, но это была победа над Австро-Венгрией, а у Германии было ещё много сил. И эти силы в середине весны были переброшены немцами на подмогу своим союзникам австрийцам, был создан мощный кулак австро-германских войск в районе Горлицы, и этот кулак в конце апреля нанёс необычной силы удар по армии русского генерала Радко-Дмитриева. Трагический Горлицкий прорыв сломал все планы России на успешное окончание войны. Армия Брусилова с тяжёлыми боями покидала Галицию, оставляя австрийцам и германцам все плоды достигнутых прежде побед. А основными победами Брусилова и его армии было, к примеру, взятие сильнейшей австрийской крепости Перемышль совсем незадолго до Горлицы, взятие Львова и перевалов Карпат. И вот теперь всё пошло прахом. Командующий фронтом Николай Иудович Иванов запаниковал и выдвинул предложение тотального отступления вглубь России, аж за Днепр, оставляя врагу всю Правобережную Украину вместе с Киевом и Белоруссию. Но благодаря таким командующим армиями, как Брусилов и Эверт, продвижение немцев удалось остановить на Волыни и в Полесье. Иванов был смещён с поста командующего Юго-западным фронтом, а на его место был назначен Брусилов. Эверт стал командующим вновь образованным Западным фронтом, а вот Северо-западным фронтом стал командовать небезызвестный генерал Алексей Николаевич Куропаткин – бывший военный министр и главнокомандующий всеми силами России в Маньчжурии в ходе Русско-японской войны. Там этот генерал, который до того был неплохим министром, проиграл все сражения японцам и привёл Россию к катастрофе на Дальнем Востоке, фактически проиграв войну. Потом он был отставлен от дел, но мировая война вновь вызвала его к жизни, и вот он появился на фронте, вызывая удивление всех окружающих. Брусилов относился к нему подчёркнуто отрицательно, считая, что он и такие, как он, “куропаткинцы” нанесут огромный вред фронту. Ожидания его оправдались, но, что поделаешь, Куропаткин, Иванов – это всё были любимцы царя, лично ему, безусловно преданные, что император ценил. А вот Брусилова в среде этих “куропаткинцев” считали выскочкой, любимчиком великого князя Николая Николаевича, дяди царя, и не очень хотели ему помогать.

Между тем, на весну-лето 1916 года намечалось решительное наступление русских войск по всему фронту. Это наступление должно было привести к разгрому Германии и её союзницы Австро-Венгрии. На Западе в это время шла великая битва под Верденом, которая перемалывала живую силу Германии. Впрочем, и живую силу союзников – Франции и Великобритании – тоже. В этой битве, продолжавшейся почти весь 1916 год, погибло с обеих сторон до полутора миллионов человек! Результатом же было продвижение германцев на несколько километров... Поистине, войны – это история человеческого безумия... Но от русских требовалось в этом году перейти в наступление на всём Восточном фронте, чтобы отвлечь силы Германии с Запада. Россия немного оправилась от поражений 1915 года. Восстановилась её военная промышленность, преодолён был снарядный голод на фронте. Наладилось снабжение

фронта всеми необходимыми припасами и продовольствием. Новая волна мобилизации увеличила численность русской армии почти до 10 миллионов человек. Россия выставила на фронты мировой войны самую многочисленную из всех армий воюющих стран армию. Основные силы направлялись на Западный фронт — генералу Эверту. Предполагалось, что именно этот фронт нанесёт главный удар по врагу. Также и Северо-западный фронт Куропаткина должен был поддержать этот главный удар. Юго-западному же фронту, которым командовал Брусилов, отводилась вспомогательная роль, он должен был лишь отвлекать силы противника на себя, обеспечивая победу Эверту и Куропаткину. Так было решено в Могилёве на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего 1 апреля (по старому стилю) 1916 года. Наступление было назначено на середину мая, реально же оно началось в конце мая и совсем не так, как предполагалось на совещании.

Изменилась обстановка на западных фронтах у союзников. Италия, вступившая в войну на стороне Антанты против Австро-Венгрии, понесла серьёзное поражение от австрийских войск. Необходимо стало срочно помочь ей наступлением русских войск с тем, чтобы отвлечь силы австрийцев. Эту роль мог взять на себя только Юго-западный фронт Брусилова, приковывавший к себе основные силы австрийской армии. Соответственно и в планы наступления были внесены коррективы. Теперь первым должен был наступать брусиловский фронт в конце мая, а затем вступал в действие и Западный фронт Эверта. Общий стратегический план не поменялся — основная роль в разгроме Германии выпадала Эверту, ему направлялись основные резервы и материальная помощь, на его фронте было обеспечено двойное превосходство сил над противником. Брусилов же не имел стратегических резервов и даже в случае успешного прорыва он не смог бы развить этот успех, его роль была только отвлечь силы противника на себя. Но наступать он должен был первым.

Перед ним стояла сложная задача: как прорвать фронт противника сравнительно малыми силами, что были у него. И тут Брусилов разработал новый приём ведения наступления, в корне отличавшийся от применявшихся ранее. Этот приём он и озвучил на совещании в своей ставке в Волочиске перед командующими армий, что входило в состав его фронта. У него в подчинении были четыре армии под командованием генералов Каледина, Крымова, Сахарова и Щербачёва. Новая военная доктрина Брусилова, которую он изложил своим генералам, была для них совершенно неожиданной: не сосредотачивать сил на одном направлении, а наступать сразу на всех участках фронта, всеми армиями. Которая из армий на своём участке сможет прорвать фронт противника, то именно этой армии оказать поддержку, туда перебросить все резервы и часть сил других армий и развить наметившийся успех. Это было неожиданно, смело и рискованно. Для выполнения такой задачи требовалась, конечно, высокая боеспособность всех армий, потому Брусилов перед наступлением поочерёдно устраивал смотры всем армиям своего фронта. Наступление в войсках было приподнятое, все ждали решительных действий и надеялись на скорую победу в этой опустылевшей всем войне.

Между тем, задача стояла труднейшая. Противник создал мощную полосу укреплений по всему фронту, которую надо было преодолеть. Вот как пишет об этом сам Брусилов.

“Неприятельские позиции были чрезвычайно сильно укреплены. По всему фронту они состояли не менее как из трёх укреплённых полос в расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 вёрст. В свою очередь, каждая полоса состояла из нескольких линий окопов, не менее трёх, и в расстоянии одна от другой от 150 до 300 шагов, в зависимости от конфигурации местности. Все окопы были полного профиля, выше роста человека, и везде в изобилии были построены тяжёлые блиндажи, убежища, лисьи норы, гнёзда для пулемётов, бойницы, козырьки и целая система многочисленных ходов сообщения для связи с тылом. Окопы были сооружены с таким расчётом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрёстным ружейным и пулемётным огнём. Убежища были устроены чрезвычайно основательно, глубоко врыты в землю и укрывали людей не только от легких, но и от тяжёлых артиллерийских снарядов.

... Каждая укреплённая полоса позиций противника была основательно оплетена колючей проволокой: перед фронтом тянулась проволочная сеть, состоявшая из 19—21 ряда кольев. Местами таких полос было несколько,

в расстоянии 20—50 шагов одна от другой; некоторые ряды были оплетены столь толстой стальной проволокой, что её нельзя было резать ножницами; на некоторых боевых участках через проволоку заграждений пропускался сильный переменный электрический ток высокого напряжения, в некоторых местах подожжены были бомбы, а во многих местах впереди первой полосы были заложены самовзрывающиеся фугасы. Вообще эта работа австро-германцев по созданию укреплений была основательная и произведена непрерывным трудом войск в течение более девяти месяцев. Очевидно, что осуществление прорыва таких сильных, столь основательно укрепленных позиций противника было почти невероятным. Всё это мне было хорошо известно, и я отлично понимал всю затруднительность атаки. Но я был уверен, что всё же есть возможность вполне успешно прорывать фронт и при таких тяжёлых условиях.

... Каждая армия, сообразно с имевшимися у неё средствами, должна была выбрать у себя подходящий участок для прорыва фронта неприятельской позиции. На основании общей разведки, по совокупности всех собранных данных, каждая армия наметила участки для прорыва и представила свои соображения об атаке на моё утверждение. Когда эти участки были мной окончательно утверждены и вполне точно были установлены места первых ударов, началась горячая работа по самой тщательной подготовке к атаке: в эти районы скрытно притягивались войска, предназначавшиеся для прорыва неприятельского фронта. Однако для того чтобы противник не мог заблаговременно разгадать наши намерения, войска располагались в тылу за боевой линией, но их начальники разных степеней, имея у себя планы в 250 саженей в дюйме с подробным расположением противника, всё время находились впереди и тщательно изучали районы, где им предстояло действовать, лично знакомились с первой линией неприятельских укреплений, изучали подступы к ним, выбирали артиллерийские позиции, устраивали наблюдательные пункты и т. д. Пехотные части ещё задолго до атаки и, как было сказано, во многих местах начали сближение с противником окопными работами: по ночам они выдвигались ходами сообщений на 100—200 шагов вперёд и устраивали окопы, обнося их рогатками с колючей проволокой. Таким путём на избранных участках наши окопы, постепенно сближаясь с противником, доводились до того, что отстояли от позиций австро-германцев всего на 200—300 шагов, в зависимости от местности. Для удобства атаки и скрытного расположения резервов на этих исходных для боя плацдармах строилось несколько параллельных рядов окопов, также соединённых между собой ходами сообщений.

Лишь за несколько дней до начала наступления незаметно ночью были введены в боевую линию войска, предназначенные для первоначальной атаки, и поставлена артиллерия, хорошо замаскированная, на избранные позиции, с которых она и произвела тщательную пристрелку по намеченным целям. Было обращено большое внимание на тесную и непрерывную связь пехоты с артиллерией. Во время этой подготовки к наступлению, работы крайне тяжёлой и кропотливой, лично я, а также командированные мною для этой цели мой начальник штаба генерал Клембовский и некоторые другие офицеры Генерального штаба и штаба фронта ездили для проверки работ и добытых сведений о противнике”.

События на Итальянском фронте, где войска Австро-Венгрии громили “макаронников” и грозили вывести Италию из войны на стороне союзников, подгоняли ход событий. Наступление войск Брусилова началось 22 мая (по старому стилю) с мощной артподготовки, которая длилась шесть часов. Это покажется долгим, но на самом деле это была короткая артподготовка. Перед наступлением на Сомме во Франции союзники вели по германцам мощнейшую артподготовку в течение недели, но это не дало существенных результатов. Всё дело было в наступательном порыве войск. А этот наступательный порыв был тогда у наших войск силён, все хотели быстрее закончить войну, добиться победы. Перешли в наступление все армии брусиловского фронта.

“8-я армия, как ближайший сосед Западного фронта, была назначена производить главный удар Ю-з фронта на Луцк—Ковель. Затем я придавал большое значение успеху 9-й армии, соседу Румынии, которая колебалась, на чью сторону стать. Что же касается 7-й и 11-й армий, то я им придавал значение второстепенное. Сообразно с этим и были мною распределены мои резервы и технические средства”.

Сразу обозначился успех на фронте 8-й армии генерала Каледина, она шла на Луцк и продвинулась в этом направлении на 60 километров, овладев этим важным пунктом. После прорыва обороны австро-венгерских войск войска этой армии наступали безостановочно, хотя противник, конечно, перебрасывал на этот участок все возможные подкрепления. Дело в том, что это был правый фланг нашего наступления, здесь фронт Брусилова соседствовал с фронтом Эверта, а не будем забывать, что именно Западный фронт генерала Эверта должен был нанести главное поражение германским войскам и решить исход войны. Между тем командующий Западным фронтом Алексей Ермолаевич Эверт странно медлил и всё переносил сроки начала своего наступления на германцев. Прошло 1 июня – Западный фронт не тронулся с места, прошло и 5 июня – следующий срок – та же картина. Примеру Эверта следовал и генерал Куропаткин – Северо-западный фронт стоял на месте. Создавалось впечатление некоего “заговора” генералов-“куропаткинцев” против Брусилова. Это подтверждают и слова Эверта, брошенные им вскользь в отношении Брусилова, что он не собирается помогать его славе. Вот как пишет об этом сам Брусилев.

“Впоследствии до меня дошли сплетни, будто Эверт однажды сказал: “С какой стати я буду работать во славу Брусилова”. Я, конечно, этому не верю, но привожу это как доказательство того, чего он, собственно, добился своими действиями в общественном мнении, о котором... так заботился. Русской же армии он повредил бесповоротно. Как бы то ни было, я остался один. Чтобы покончить с вопросом о помощи, оказанной Западным фронтом, скажу лишь, что действительно в последних числах июня, по настоянию Алексеева, атака на Барановичи состоялась, но, как это нетрудно было предвидеть, войска понесли громадные потери при полной неудаче, и на этом закончилась боевая деятельность Западного фронта по содействию моему наступлению”.

Пользуясь этим обстоятельством, немецкое командование спешно перебрасывало резервы с других фронтов против Брусилова, стремясь остановить его наступление. Особенно тяжёлые бои развернулись за город Ковель – основную цель операции. Это был узел всех дорог, отсюда открывался уже путь на Польшу. Но Ковель взять не удалось, несмотря на все усилия и большие потери в армии Каледина.

Другие армии Брусилова успешно продолжали наступление. Полностью оправдался тактический приём, предложенный замечательным русским полководцем, – прорыва на разных направлениях. Все четыре армии Юго-западного фронта нашли места прорыва в обороне противника и вырвались на оперативный простор. Была освобождена вся Буковина, часть Галиции, Волынь. Взятые Черновцы, Броды, Станислав. Под влиянием русских побед вступила в войну Румыния на стороне союзников против Германии и Австро-Венгрии, когда наши войска вышли в предгорья Карпат. Русские солдаты вновь увидели лесистые отроги Карпатских гор, которые пришлось так спешно покинуть в злосчастном 1915 году. “Карпатские вершины, вас я вижу вновь... Карпатские долины – могилы удальцов...” – пелось тогда в солдатской песне.

Реакция всего русского общества на эти громкие победы была единодушной: *“Всё это время я получал сотни поздравительных и благодарственных телеграмм от самых разнообразных кругов русских людей, – пишет Брусилев. – Всё всколыхнулось. Крестьяне, рабочие, аристократия, духовенство, интеллигенция, учащая молодёжь – все бесконечной телеграфной лентой хотели мне сказать, что они – русские люди и что сердца их бьются заодно с моей дорогой, окровавленной во имя родины, но победоносной армией. И это было мне поддержкой и великим утешением. Это были лучшие дни моей жизни, ибо я жил одной общей радостью со всей Россией”.*

И вот – итоги операции: *“В общем, с 22 мая по 30 июля вверенными мне армиями было взято всего 8255 офицеров, 370 153 солдата, 496 орудий, 144 пулемёта и 367 бомбомётов и миномётов, около 400 зарядных ящиков, около 100 прожекторов и громадное количество винтовок, патронов, снарядов и разной другой военной добычи. К этому времени закончилась операция армий Юго-западного фронта по овладению зимней, чрезвычайно сильно укреплённой неприятельской позицией, считавшейся нашими врагами, безусловно, неприступной. На севере фронта нами была взята обратно значительная часть нашей территории, а центром и левым флангом вновь завоёвана*

часть Восточной Галиции и вся Буковина. Непосредственным результатом этих удачных действий был выход Румынии из нейтрального положения и присоединение её к нам”.

Из этой ярко нарисованной Брусиловым картины видно, что австро-венгерские войска подверглись полному разгрому, что и немцы не смогли им помочь, а после разгрома австро-венгерских войск, следующим актом войны должен был стать и полный разгром германских войск стоящих против наших Западного и Северо-западных фронтов, где двойное (!) численное превосходство было на стороне русских. И что же? – А ничего. Войска генералов Эверта и Куропаткина не сдвинулись с места. Не менее предательской политики Эверта и Куропаткина задела Брусилова и совершенно бесхребетная позиция царя в этом вопросе. Он, Верховный главнокомандующий, помазанник Божий, не смог заставить своих генералов перейти в наступление согласно своей же директиве!.. Это доказывает полную атрофию монархической власти в России к концу 1916 года. Теперь любое революционное потрясение, даже локального характера, вроде хлебного бунта в Петрограде в конце февраля 1917 года, могло разрушить российскую государственность, что и привело к ужасающим последствиям. Все итоги побед русского оружия были разрушены, армия потеряла дисциплину и начала быстро распадаться. Даже назначение Временным правительством Брусилова Верховным главнокомандующим летом 1917 года уже не могло исправить ситуацию. Разложение общей массы старой армии стало очевидным для Алексея Алексеевича, и он на посту Верховного предложил создать новые “революционные” части, проникнутые патриотическим революционным духом и готовые повести за собой на бой всю армию. По существу, это было первое предложение создания новой революционной армии, которую впоследствии большевики назовут “Красной”. Идею русского полководца подхватили, как мы видим, большевики. Неудивительно, что Брусилов после Октябрьской революции пошёл на сотрудничество с новой властью и поддержал Советы, как и ряд других старых царских генералов. Он не одобрил действия некоторых своих бывших подчинённых, таких как генералы Каледин или Деникин, развернувших кровопролитную гражданскую войну на юге России и потерпевших неизбежное поражение. Алексей Алексеевич Брусилов, в отличие от них, не покинул свою родину, а пытался честно служить той власти, которая укрепилась в России, полагая, что Россия должна быть единой, и ради этого стоит жить и служить своему Отечеству.

Победа же войск Брусилова летом 1916 года осталась в памяти русских людей, всех россиян как последняя победа старого русского оружия, которая перекинула исторический мостик к новым победам уже новой Советской армии, строить которую начинал и сам Алексей Алексеевич Брусилов.

Нашему сотруднику и активному автору Станиславу Сергеевичу ЗОТОВУ исполняется 55 лет! Сердечно поздравляем боевого публициста! Желаем здоровья и творческих успехов!